

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-111>

УДК 882

ОБРАЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ РОМАНА СЕНЧИНА

Е.О. Новикова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена *проблеме* становления героя в раннем творчестве Романа Сенчина. Верный традициям «нового реализма», автор пишет о безнадежном и бессмысленном мире, в котором погряз современный человек. Герой писателя – «маленький человек», но уже лишенный ореола трансцендентального, который признавала за ним классика.

Цель статьи – рассмотреть трансформацию образа «маленького человека» в современной русской прозе на примере ранних произведений писателя: «Нубук», «Лед под ногами», «Жить, жить», а также выявить основные черты литературного героя, созданного художником.

В работе используются сравнительно-исторический и социологический *методы*.

Результаты исследования. В литературе XXI в. образ «маленького человека» существенно отличается от художественной традиции XIX – начала XX в. С наступлением двухтысячных годов происходит очередной слом культурной парадигмы, меняется привычный уклад жизни людей, ценностные ориентиры, представление о Будущем...

На основании анализа произведений Романа Сенчина можно сделать *вывод* о том, что писатель анализирует болезнь нынешней эпохи, название которой «обыденность». Диагноз болезни – отсутствие воли к жизни, чувство бессмысленности собственного существования, невозможность реализовать себя как личность, духовная дезориентация, неврастения. «Маленькому человеку» нового времени присущи такие состояния, как отстраненность, отчужденность, нерешительность, нервозность и социальная дезориентация.

Ключевые слова: «новый реализм», Роман Сенчин, «маленький человек», отчуждение, одномерное общество.

Постановка проблемы. «Новый реализм» – относительно новое направление в литературе, сформировавшееся в начале двухтысячных. Денис Гуцко, Сергей Шаргунов, Дмитрий Новиков, Роман Сенчин, Захар Прилепин, Михаил Елизаров, Михаил Тарковский являются его яркими представителями [Kovtun, Klimovich, 2018, с. 315]. Их произведения демонстрируют всю сферу современного уклада человека, обнажая социальные проблемы общества. На страницах «новой прозы» срединный человек становится «значительней и интересней любых самых бесподобных текстов» [Новикова, 2019, с. 46].

Роман Сенчин – российский прозаик, который ставит в центр своих текстов образ «маленького человека». Автор в одном из интервью высказался следующим образом: «Я пытаюсь писать о жизни ничем особенным не выдающихся, как Пушкин их называл, “ничтожных” людей. <...> Жизнь большинства складывается из череды дней-близнецов, которые не запоминаются, не радуют и не огорчают. <...> И вот эти бесцветные, лишние дни я и беру для описания»

[Беляков, 2013, с. 236]. Писатель через повествование о бытовой жизни людей создает колоритную атмосферу безнадежности и бессмысленности человеческого существования. Именно человек и его место в мире выходят на первый план в его творчестве. Говоря о жанре как о специфике художественного произведения, критики все чаще склоняются к тому, что «главный жанр Сенчина – социально-психологическая проза» [Беляков, 2013, с. 390].

Цель статьи – рассмотреть трансформацию образа «маленького человека» в современной русской прозе на примере ранних произведений писателя, а также выявить основные черты литературного героя, созданного художником.

Методы исследования. В ходе исследования используются методы сравнительно-исторического и социологического анализа.

Результаты исследования. Произведения Сенчина, заголовки его книг носят кричащий характер. «Постоянное напряжение», «На черной лестнице», «Лед под ногами», «Срыв», «Петля»... Они свидетельствуют об отчаянии отдельного человека и экзистенциальном кризисе современной цивилизации. Мрачность, безнадежность, пессимизм усматривает читатель, открывая ту или иную книгу. Р. Сенчин оправдывает это словами: «Я реалист, пытаюсь более или менее объективно зафиксировать некоторые, к сожалению, часто неприглядные стороны нашей жизни. Литература вообще фокусируется на проблемах, трагедиях, драмах. Радостных произведений литературы как-то и не вспомнить, везде таится какая-то беда» [Васильев, 2017].

Многие представители теоретико-литературной мысли делят творчество Р. Сенчина на два периода – *ранний* и *поздний*. Ранний приходится на начало двухтысячных годов. В это время выходят в свет сборники повестей и рассказов «Афинские ночи», «День без числа», «Минус», роман «Нубук». Краеугольным камнем раннего периода являются автобиографичность текстов, их острая социальность. «Его отличала предельная откровенность до саморазоблачения и самоуничтожения», – пишет о Сенчине Сергей Беляков [Беляков, 2013, с. 236]. Валерия Пустовая заявляет, что произведения писателя «...это самоанализ на уровне исповеди перед медицинской картой» [Пустовая, 2013, с. 125]. Соотношение биографической личности с литературным героем создает необходимую для писателя-реалиста почву, позволяет отразить окружающую действительность через мысли, чувства, эмоции, ценности и настроения героя.

«Новый реализм» сформировал новые отношения между автором, героем и читателем, где отсутствуют дистанции. Отношения трех сторон выстраиваются по горизонтали. В произведениях прошлых столетий писатель для многих людей был в роли просветителя, наставника, «инженера человеческих душ». Сегодня, автор-реалист – «свой человек», один из нас, который сочувствует каждому, относится уважительно к личности. Подчеркнутая связь между автором и героем принесла в прозу достоверность, искренность, исповедальность. Переход автора от автобиографической прозы в сторону традиционной реалистической поэтики ознаменовался поиском новых форм, сменой повествовательного дискурса, который призван воплотить особую реальность.

Поздний период творчества Сенчина датируется с 2009 г., когда в свет выходит роман «Елтышевы», который вызвал много споров в литературно-критическом сообществе. Многие критики высказывались о романе как о «главном событии ушедшего года» [Беляков, 2013, с. 387]. Вячеслав Огрызко в статье «Неизбежный бунт» пишет: «В “Елтышевых” Сенчин наконец-то отказался от привычной модели. На этот раз он не стал делиться только собственными ощущениями и переживаниями. Теперь в фокус его зрения попала уже чужая история» [Огрызко, 2013, с. 307]. Евгения Погорелая в журнале «Знамя» констатирует, что с появлением романа «Елтышевы» Сенчин завершает тему «лишнего человека», на смену которому «пришел человек действия, инстинктивного, природного, человек, которого нечеловеческие условия понуждают выказать свою животную сущность» [Погорелая, 2009].

В романе «Елтышевы» чудовищность изображаемого быта обнажает острые социальные проблемы современности. В произведении показано, как со временем деградирует, умирает отдельная семья, а вместе с ней разлагается, угасает страна. Честность, откровенность, принципы натурализма сближают сенчинский реализм с «чернухой» [Липовецкий, 1999]. Неонатурализм, позволяющий вовлечь в художественное пространство те реалии, которые традиционно расцениваются в качестве табуированных, рождает устойчивый интерес к пограничным состояниям бытия.

Литературная критика по-разному оценила новый опыт писателя-реалиста. Одни говорят, что Сенчин стал «наследником чернушной линии» [Иванова, 2008]. Его проза ассоциируется с «физиологической», «натуралистической», «чернушной», даже названа «чернухой второго поколения» [Агеев, 2013, с. 41]. «Это чернуха, на стороне которой выступает главный литературный Бог – Автор» [Там же]. Другие утверждают, что Роман Сенчин пишет «серым по серому» [Ганиева, 2013, с. 337]. Так, автор «не абсолютизирует ни “черного”, ни уж тем более “белого”, но до рези в глазах вглядывается в их смешение – в серость, которая и является основным цветом повседневности» [Комаров, 2019]. Сам писатель высказался следующим образом: «В современной литературе нет Павла Корчагина, но читатель ждет его появления. Я и сам этого жду. Не думайте, что я поклонник чернухи и пессимистического сюжета» [Платонов, 2018].

На страницах нынешней прозы отсутствует герой-Корчагин, готовый на подвиг ради высшей цели. На смену Павлу Корчагину с волевым и целеустремленным характером пришел «герой нашего времени» – безвольный, бесхарактерный, бесперспективный. В так называемом позднем периоде творчества автора повествование ведется с позиции ущемленного и пассивного героя. Мотив рутинности жизни тесно пересекается с мотивом бессмысленности собственного существования. Однако в поздних текстах писателя на смену юному персонажу приходит сорокалетний герой, который окончательно смирился с реалиями нынешней действительности. То, что объединяет два периода творчества писателя-реалиста, это художественный тип – «маленький человек».

Р. Сенчин пишет о жизни «типичных людей» в «типичных обстоятельствах». В литературной традиции понятие «тип» отражает художественный образ, характерный для определенной общественной среды [Чернец, 2016]. Сергей Беляков в журнале «Новый мир», констатирует, что «тип», «типизация», «типичность» являются очень характерными понятиями для современного общества. По словам критика, «...в нынешнем веке воскрес век позапрошлый» [Беляков, 2013, с. 237], из нескольких индивидуальных историй складывается панорама, где герой Сенчина выступает «маленьким человеком» рубежа XX–XXI вв. В классических текстах образ «маленького человека» – один из ключевых. Сенчин вослед А.С. Пушкину пишет о «ничтожных людях». Первый образ «маленького человека» у А.С. Пушкина – Иван Петрович Белкин. Он объединяет цикл повестей «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка».

Самсон Вырин из повести «Станционный смотритель» – прекрасный образец типичного человека невысокого социального сословия, чье душевное спокойствие, благополучие разрушено появлением светского волокиты, не желающего считаться с обстоятельствами. Человек в рассказах Романа Сенчина часто становится игрушкой случая, сильных мира сего. Его персонажи – типичные люди: бывший милиционер, писатель, начинающий бизнесмен. Они все довольны своим социальным положением, собой. Сенчин сочувствует своим героям: Станиславу Олеговичу («Гаврилов»), Сергею Игоревичу («Срыв»), Никите Сергеевичу («Конец сезона») и т.д.

И чем же все кончится на страницах авторской прозы? У Пушкина – смертью, иного выхода для Самсона Вырина не предусмотрено. У Сенчина – «тихим ужасом» – бесперспективностью и бессмысленностью. В каждой повести нарастают отчаяние, экзистенциальный ужас. Его герои сожалеют и мучительно страдают от осознания того, что жизнь сложилась неудачно, что изменить ее невозможно. Вспомним диалог двух друзей, Романа и Владимира из рассказа «Жить, жить...». В начале произведения герои думали покончить жизнь самоубийством, а в конце, разговаривая друг с другом по телефону, спрашивают: ««Как дела?» – и ответ: “Да так, более-менее. Живу”» [Сенчин, 2011, с. 273].

В романе «Лед под ногами» можно прочесть следующее четверостишие:
За весной – лето, за осенью – зима,
А голова пустая, ни капли в ней ума.
Теку я вдоль по жизни, и мне все равно,
Сажусь на унитаз, валю в него дерьмо [Сенчин, 2007, с. 163].

Музыкальная композиция Дениса Чащина, так же как и телефонный разговор Романа и Владимира, заключают одно положение – жизнь не имеет никакого значения и смысла. Герои Сенчина оправдывают свое пребывание в этом мире тем, что прослужили в армии, отучились в университете, произвели потомство, выплатили кредиты и т.д. Свою «миссию» они выполнили перед государством и семьей. «А остальное... Я не хочу больше мучиться, не хочу бегать и искать...

Меня завтра выкинут из агентства, и куда проситься?» [Сенчин, 2011, с. 267]. Социальная дезориентация еще один синдром, которым страдает современный герой. Возникает он на почве представления о враждебности и несправедливости окружающего мира. Следствием этого становится пограничное состояние отчуждения от себя и мира вообще. Рождается человек-автомат, который живет по определенному сценарию. Программу того, что он должен выполнить за свою жизнь, пишет за него государство или масскультура.

Появление человека-автомата началось с развитием технологического прогресса, когда государство с помощью тотального программирования внушило обществу ложные ценности. Обратной стороной относительного материального благополучия стал духовный кризис, который породил «одномерного человека». Известные слова Эриха Фромма: «Если я – то, что я имею, и если то, что я имею, потеряно, – кто же тогда я?» [Фромм, 2010], – звучат актуально и по сей день. Герой Сенчина боится потерять то единственное, на чем держится его жизнь: будь то работа, дом или семья. Когда человек находит свое законное место, тогда исчезают его сомнения в оправданности собственной жизни. Персонажи сенчинских повестей и рассказов пытаются найти «место под солнцем». Они переезжают из города в деревню, к земле («Елтышевы») или, напротив, из деревни в крупный город («Нубук»), к возможностям и красивой жизни, однако куда бы они ни направились, лучшей жизни обрести не могут.

Мотив поиска обетованной земли как дорога к светлой цели был одним из структурирующих в традиционалистской прозе [Ковтун, 2009, с. 323]. Страдание всегда оправдывалось грядущим светлым миром (Беловодье, град Китеж) [Ковтун, 2017, с. 81]. А русский человек, так же как герой Сенчина, страдает вообще, «всем существом и от всего существующего» [Бойко, 2013, с. 206]. Ф. Достоевский писал о том, что «у русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него не полно» [Достоевский, 1989–1996]. Так может быть спасение сенчинских героев в страдании?

Литературный герой Сенчина постоянно находится в состоянии страдания независимо от его положения, однако ему чужда мысль о какой-то особой миссии: «Оказывается, вся литература, философия, вообще культура доказывают одно: жизнь – это цепь страданий. Одно страдание сменяет другое, и так бесконечно, до полного добивания человека. И в итоге человек ждет не дождется, когда же придет смерть-избавление. Понимаешь? Ему уже невыносимо становится, ничего не мило совершенно. А? – Ну да, – кивнул Владимир. – И что? – Что?! А смысл страданий какой? Смысл, а? – Да никакого, наверно. – Вот и я про то же. Для самоукрепления, чтоб силы жить были, выдумывают тот свет, царство небесное, прочую лабуду, а на самом деле...» [Сенчин, 2011, с. 266]. Подобное отношение к феномену «страдания» является одной из причин русской катастрофы. По словам М. Бойко, «сегодня именно упоение собственным страданием позволяет нам равнодушно смотреть за лихорадочным скатыванием государства и целого народа к гибели» [Бойко, 2013, с. 206].

Р. Сенчин не дает никаких ответов на вопросы о будущем России. Герои его прозы – «бедные люди», «униженные и оскорбленные». Таковыми они остаются в «Зоне затопления», в «Елтышевых», в «Минусе», «Чужом», «Льде под ногами» – везде. Ощущение бесперспективности оставляет герою один выход – наблюдать, как гибнет целая цивилизация и он вместе с ней.

В раннем творчестве писателя присутствует какая-то надежда на то, что в конечном итоге все образуется, появится хотя бы один шанс на счастливое будущее. В 2002 г. на страницах журнала «Новый мир» появляется повесть «Нубук». Главные герои произведения – три друга, один из которых носит имя автора – Роман Сенчин. Автор рассказывает о доморощенных бизнесменах, озабоченных проблемами собственного выживания. Все трое выброшены на обочину «свободной» жизни, без внешней и внутренней опоры. Нет ни успешной работы, ни настоящей любви. Те ценности, что завещало им прошлое поколение, чему учили, обратились в прах в двухтысячных годах. Быть честным человеком и любить свою страну заведомо означает быть нищим, так как на достойную жизнь честным трудом не заработаешь. И для того чтобы выжить, приходится рисковать. Для главного героя риск – это шанс на долгую и успешную жизнь. Участие в бизнесе стало шансом для Романа изменить свое положение в обществе.

В 90-е гг. окончательно рухнул железный занавес, Россия открывает Европу заново. На рынках начали появляться импортные вещи, продукты. Постепенно промышленность в стране уничтожалась, заводы и фабрики закрывались, на смену пришла рыночная торговля. Повесть «Нубук» как раз о том, как молодые ребята, выращенные на ценностях советского общества, пытаются перестроиться, войти в новый уклад и ритм жизни. «Нубук – вид кожи, он очень красивый, популярный на Западе, но обувь из него недолговечная. Слишком мягкая для нашего климата» [Сенчин, 2002]. Данная фраза становится символом произведения. На практике западные либеральные реформы оказываются неадаптированными к российской земле. Частное предпринимательство начинает использовать грабительские схемы, аферы и махинации. В итоге все три героя терпят неудачу, никому из них не удается достичь даже малой доли успеха. Сенчин в традициях «нового реализма» изображает неустойчивый, опасный мир русского бизнеса, который помещен в более широкий социокультурный контекст: страх перед распадом целого государства, обострение национальных конфликтов, нищета и чувства общей потерянности и безнадежности.

Сенчин прекрасно раскрывает типичные черты молодых героев, которые стремятся подняться по социальной лестнице, достигнуть положения в обществе, и тех, кто не смог «перейти Рубикон», освоиться в новом времени. Внимание писателя направлено не только на причину и следствие социального упадка, но и на изменения в самой личности. «Маленький человек» становится эгоистичным, он ставит себя, свой интерес выше семьи и дружбы, пребывает в постоянном напряжении и упадочническом состоянии духа, но стремится соответствовать ценностям и нормам культурного человека, как он его понимает. Непостоянство в характере «маленького

человека» обусловлено тем, что у героя несформированные жизненные позиции и ориентиры. В произведении автор проводит параллель между внутренним миром героя и неустойчивостью в северной столице: «...весь город держался на чуде, держался каким-нибудь последним гвоздем, полусгнившей подпоркой, единственным, не до конца разъеденным влагой кирпичом» [Сенчин, 2002]. В художественном пространстве текста душевное равновесие свойственно людям старшего поколения, выходцам из Советского Союза. Это люди чести и слова, работающие не покладая рук, рассчитывающие только на собственные силы. Связь между старым и новым поколением и анализируется в романе. Главный герой, Роман, покидает родительский дом, деревню под Абаканом подобно «блудному сыну». Владимир, друг и будущий партнер по бизнесу, соблазняет Романа идеей о «райском месте», величайших возможностях, и герой отправляется в столицу – Санкт-Петербург.

Мотив «блудного сына» проходит тонкой нитью от начала произведения до его конца. Герой сбегает из деревни в новый мир ради «освобождения», «спасения», но вскоре воротится обратно под родительский кров. Словно библейский герой Роман не смог прожить вдали от отчего дома, ему не хватило сил, сноровки закрепиться в столице, «выйти в люди», и он убегает в привычное ему место. Однако не стоит забывать, что нубук – вид материала, который не пригоден для носки. Таким становится и сам герой – непригодным. Его спутники – сомнения и страх начать все сначала: «Специалистке в Енисейск я тоже пока не звонил – тоже побаиваюсь принять окончательное решение. Откладываю каждый день, сомневаюсь, листаю буклетки» [Сенчин, 2002]. В итоге герой остается наедине с собой и своими мечтами: «Валяясь на полке, я уже представлял, как сижу в своем офисе где-нибудь на центральной улице Абакана, у меня человек десять подчиненных – одни распродают товар, другие считают башли» [Сенчин, 2002]. Таким образом, «Нубук» повествует о «маленьком человеке», чьи жизненные устремления не достигают намеченной цели. Герою проще сдаться, убежать, спрятаться, плыть по течению жизни, а куда она приведет, стоит только догадываться.

Драматичнее и безысходнее «Нубука» роман «Лед под ногами», опубликованный в журнале «Знамя» в 2007 г. Произведение отразило типичного персонажа сегодняшнего поколения – «маленького человека». Чащин Денис Валерьевич – «альтер-эго» писателя Сенчина. Он – рок-музыкант, полный мечтаний и надежд найти место в мире и изменить его. Герой вступает в революционное общество, однако чувствует бессилие перед социальной системой, поэтому вынужден сменить свои амбиции на рутинную работу в редакции модного московского журнала.

С первых страниц романа читатель чувствует однообразие и скуку, обыденность героя и обстоятельств. «Осенью и зимой по утрам в будни он видел за окном одно и то же – колонна белых огней медленно двигалась вниз и уходила почти под дом <...> Он не то чтобы любил по утрам стоять у окна – нет, он даже не замечал, как, умывшись, побрившись, заварив чашку кофе и закулив первую за день сигарету, подходил к окну и смотрел» [Сенчин, 2007, с. 6]. Описанная картина утра Дениса Чащина изображает сменяющиеся друг друга унылые дни,

хождение по замкнутому кругу: дом, работа, дом, что создает патовую ситуацию, из которой герою никак не удастся вырваться. «День сурка» становится воплощением серой и скучной жизни. Каждый новый день протекает по одному и тому же сценарию. Сенчин в романе иллюстрирует, как попадает в ловушку замкнутого круга человек. Однако это болезнь не индивидуума, а целой эпохи.

Александр Резник в журнале «Эхо свободы», анализируя роман «Лед под ногами», заявляет о новом явлении в путинскую эпоху – чащиновщине. «Чащиновщина отражает уродливость постсоветской “демократии”, безвыходность в рамках этой системы. Чащиновщина свидетельствует, что ничего-не-обязывающее существование “работающего” планктона – смертельно опасная утопия. Город и Система пожрали Чащина. А его место займут еще более убогие мещане, так же сложив свои кости в фундамент Стабильности <...> “Лед под ногами” отразил мрачную метафизику негативности бытия» [Резник, 2013, с. 159]. «Чащиновщина» – явление, раз за разом появляющееся в произведениях Сенчина, меняется только форма, а содержание, темы, мотивы остаются прежними. Главный герой стал жертвой жизненной пассивности, замкнутости, отчуждения от собственного тела и бытия в сложившихся условиях настоящего. Ему комфортнее пребывать в состоянии покоя, неподвижности. Любые колебания внешнего мира герой воспринимает враждебно: «...лишь аромат каких-нибудь необыкновенных духов иногда возвращал в реальность <...>. И Чащин злился: зачем побеспокоили, раздражили, разбудили?» [Сенчин, 2007, с. 8].

Создается ощущение, что персонажи сенчинской прозы пребывают в платоновской пещере, вот только современная пещера имеет немного иную форму. В мифе рассказывается о людях, закованных в цепи, не имевших возможности свободно передвигаться или смотреть по сторонам. Люди видели лишь тени от огня, а истинную картину мира они не в состоянии были познать. Сенчин надел оковы на своих героев в виде «рутинности». Быт заполняет все бытие человека, а государственная власть с помощью средств массовой информации создает тот иллюзорный мир, который наиболее выгоден. Уставший от постоянной, однообразной и бессмысленной жизни герой с радостью пойдет на поводу той системы, которая пообещает решить за него проблемы.

Каждодневное использование телевидения, информационных изданий, Интернета привело к тому, что человек постоянно вбирает в себя огромный поток информации. Информация дезориентирует человека, так как в ней он не находит смысла: «на шестнадцати доступных Чащину каналах нечего было смотреть – просто он начинал искать лучшее, наконец находил какой-нибудь интересный фильм, а когда тот прерывался рекламой, щелкал дистанционно дальше» [Сенчин, 2007, с. 40]. Герой романа в силу специфики своей деятельности создает и внедряет в массы «проплаченные материалы о кинопремьерах, репертуар кинотеатров, рейтинги кинопроката» [Сенчин, 2007, с. 13] и прочую «пустую» информацию. Очень часто журналисты, работающие в новостных отделах, подвержены синдрому «эмоционального выгорания» [Федотова, Борейко, 2015].

Это, в свою очередь, рождает чувство внутренней опустошенности, которое герою пытается заполнить бутылкой холодного пива «Туборг». Денис Чащин – олицетворение «маленького человека», вовлеченного в огромный, постоянно движущийся механизм «производства и потребления».

В условиях бюрократии государства человек должен быть полезен, чувство полезности/нужности мотивирует его ходить на нелюбимую (и т.п.) работу: «Рабочий день казался ему бесконечным, мучительным; по утрам он не верил, что сможет дотянуть до вечера и не шизануться. То и дело взглядывал на часы, поражаясь, как медленно тянется время, представлял, сколько всего важного, интересного, значительного мог бы сделать вместо сидения за этим столом» [Сенчин, 2007, с. 11]. Единственным стимулом становится материальное благо, которое человек сливает на «нужные вещи».

В «одномерной реальности» герой заполняет свое внутреннее бытие вещами. Чащину приятно, обессилев, переползая «на удобный, купленный им самим в “Икее” диван» [Сенчин, 2007, с. 40]. В романе автор не раз делает акцент на господстве материального мира над духовным. Сенчин включает в художественное поле текста известные слова из песни Егора Летова: «Пластмассовый мир победил, макет оказался сильнее» [Сенчин, 2007, с. 55]. Действительно, макет, рекламный щит, симулякр оказался могущественным в условиях нынешней действительности.

Текст песни в сжатой иносказательной форме иллюстрирует модель мира – пародию на реальность. И в этой видимой конфигурации настоящие ценности заменены ложными, «общество потребления» оказалось сильнее духовных и нравственных идеалов. «Почти автоматически он набивал пакеты» [Сенчин, 2007, с. 39] – подобно запрограммированной роботу герою Сенчина приобретает привычный набор продуктов, тем самым раскручивая колесо бюрократической машины, а та, в свою очередь, формирует «одномерное общество» [Маркузе, 2002]. Герой теряет жизненные ориентиры, превращаясь в механизм, автомат, живущий по сценарию и тем установленным правилам, которые считаются общепризнанными: «Теперь он был готов к автоматному существованию в квартире» [Сенчин, 2007, с. 39]. В романе автор периодически делает акцент на гитаре под названием «Джипсон». Чащину «то и дело попадалась стоящая в углу гитара» [Сенчин, 2007, с. 40]. Гитара становится символом творческой натуры. Инструмент символизирует творческое, созидательное начало, которому противостоит «система вещей» [Бодрияр, 2021].

Антагонизм духовного и материального в романе приводит в итоге к тому, что у главного героя «появилось желание от гитары избавиться» [Сенчин, 2007, с. 272]. Чащин неохотно перебирает пальцами струны. Гитара не приносит ему прежнего удовольствия, угасли те амбиции, что двигали его вперед в начале творческого пути. Появилось лишь чувство дискомфорта от потраченного времени на настройку музыкального инструмента. Чащин «засунул „Джипсон” обратно в чехол, застегнул молнию. Поискал глазами, куда бы спрятать. За шкаф. Поглубже туда. И забыть. Снова сел на диван, взял пульт, включил телевизор» [Сенчин, 2007, с. 272]. Зачем тратить время на создание чего-то нового, намного проще

включить компьютер и отправиться в виртуальный мир. Ведь там можно построить свою «очередную цивилизацию» [Сенчин, 2007, с. 40]. Побег в альтернативную реальность сегодня обеспечивает то чувство превосходства, в котором человек нуждается в своей обыденной жизни. Лев Данилкин написал о романе, что это «...бальзаковская история типичного героя нашего времени, бунтаря, угодившего в душную стабильность нулевых годов – и заживо съеденного обществом потребления» [Данилкин, 2013, с. 264].

Выводы. Итак, автор не стремится скрыть некое послание через художественные образы, мотивы или цитаты известных песен. Он отражает окружающую действительность и быт человека в том свете, каков он есть на самом деле. При чтении произведений Сенчина появляется чувство внутреннего напряжения, дискомфорта, он затрагивает болезненные проблемы современного общества. Современный мир осваивает новые процессы, дифиниции: «урбанизация», «глобализация», «технологизация», «цифровизация», «информатизация». И в этом мире сложных систем, отношений человек чувствует себя незначительным – «маленьким». Роман Сенчин досконально, до мельчайших подробностей отражает бытие в настоящем. «Устоять», «ухватиться», «подняться», «добиться» – действия, которые требуют непомерных усилий. Герои прозы Сенчина редко достигают чего-либо, а если и оказываются на вершине успеха, то это оборачивается для них печальными последствиями. Автор изображает тонкую грань между героем и льдом под его ногами. И остается только догадываться, в какой момент лед треснет.

Таким образом, главной темой творчества Романа Сенчина становится «маленький человек». Автор на страницах своей прозы иллюстрирует болезнь нынешней эпохи, название которой «обыденность». Диагноз личности – отсутствие воли к жизни, духовная дезориентация, неврастения. Сенчин не делает окончательных выводов, он вместе с героем старается найти те возможности, цели, которые откроют современному человеку путь к самому себе.

Библиографический список

1. Агеев А. Голод 54. Практическая гастроэнтерология чтения // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
2. Беляков С. Призрак титулярного советника // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
3. Беляков С. Роман Сенчин: Неоконченный портрет в сумерках // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: РИПОЛ классик, 2021. 256 с.
5. Бойко М. Русский фарш // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
6. Васильев О. Литература возвращает себе вес // Новая газета во Владивостоке. 2017. 12 окт. № 411. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/411/kultura/literatura-vozvrashhaet-sebe-ves.html> (дата обращения: 29.12.2021).
7. Ганиева А. Серым по серому // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.

8. Данилкин Л. Очень точный роман про нулевые // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 [Электронный ресурс]. СПб.: Наука, Ленинградское отделение, 1989–1996. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=110964&p=18>, свободный.
10. Иванова Н. Писатель и политика // Знамя. 2008. № 11.
11. Ковтун Н.В. Деревенская проза в зеркале утопии / М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Сиб. федер. ун-т. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
12. Ковтун Н.В. Историоризация мифа: от «благословенной» Матеры к Пылево (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестник ОмГПУ. 2017. № 4 (17). С. 81–87.
13. Комаров К. Рок умер а мы живем: сб. // Урал. 2019. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2019/2/zhizn-proishodit.html>
14. Липовецкий М. Растратные стратегии, или Метаморфозы «чернухи» // Новый мир. 1999. № 11. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/11/rastratnye-strategii-ili-metamorfozy-chernuhi.html (дата обращения: 29.12.2021).
15. Маркузе Г. Эрос и цивилизация: исследование идеологии развитого индустриального общества Одномерный человек / пер. А. Юдина; сост. предисл. примеч. В.Ю. Кузнецова. М.: Изд-во АСТ, 2002. 526 с.
16. Новикова Е.О. «Новый реализм» его авторы и герои // Сибирский филологический форум. 2019. № 2 (6). С. 45–55.
17. Огрызко В. Неизбежный бунт // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
18. Платонов О. В современной литературе нет Павла Корчагина, но читатель ждет его появления // Бизнес Online. 2018. 11 апр. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/378464> (дата обращения: 29.12.2021).
19. Погорелая Е. ...На севших батарейках?.. // Знамя. 2009. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2009/10/8230-na-sevshih-batarejkah.html>
20. Пустовая В. Новое «Я» современной прозы: об очищении писательской личности // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
21. Резник А. Мы лед под ногами // Все о Сенчине. В лабиринте критике. М.: Литературная Россия, 2013. 512 с.
22. Сенчин Р.В. На черной лестнице: рассказы. М.: Астрель, 2011. 347 с.
23. Сенчин Р. Нубук // Новый Мир. 2002. № 11.
24. Сенчин Р.В. Рок умер а мы живы: сб. М.: «Э», 2007. 352 с.
25. Федотова Н.А., Борейко А.Д. Стрессогенные факторы журналистской профессии: результаты исследования // Психолог. 2015. № 3. С. 89–101. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15284 (дата обращения: 29.12.2021).
26. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ: Астрель, 2010. 314 с.
27. Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // STERPHANOS. 2016. № 1. С. 80–90.
28. Kovtun N., Klimovich N. The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to «new realism» // The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies (Хорватия). 2018. № 3/4. P. 315–337.

Сведения об авторе

Новикова Елизавета Олеговна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elisanov1991@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-18-1-111>

THE IMAGE OF A LITERARY HERO IN THE EARLY WORKS OF ROMAN SENCHIN

E.O. Novikova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article analysis the literary character in the writings of Roman Senchin.

Following traditions of new realism Roman Senchin depicts in his writings a hopeless and meaningless world in which the person is mired and from which they can not escape. His hero is a “little man”.

The character of “little man” of XIX and XX centuries evolves significantly from XXI century due to artistic significance. New decade has brought numerous changes including lifestyle and values.

With the onset of the two thousandth, the habitual way of life of many people has changed, and along with it the value guidelines.

The aim of the article is analysing the transformation of the “little man” in modern Russian prose, taking such novels as “Nubuk”, “To live, to live”, “Ice underfoot” as an example of the writing.

The work uses comparative historical and sociological methods.

Research results. In the literature of the XXI century, the image of the “little man” differs significantly from the artistic specificity of the works of the XIX and XX centuries. With the onset of the two thousandth, the way of life of many people has changed, and with it the value guidelines.

Based on the analysis of the works of Roman Senchin, it can be concluded that the author illustrates the disease of the present era, the name of which is “routine”. The diagnosis of the disease is a lack of will to live, a sense of the meaninglessness of one’s own existence, the inability to realize oneself as a person, spiritual disorientation, neurasthenia. The “little man” of the new era is characterized by such states as detachment, aloofness, indecision, nervousness and social disorientation.

Keywords: *realism, Roman Senchin, little man, autobiography, everyday slavery, alienation, one-dimensional society.*

References

1. Ageev A. Hunger 54. Practical reading gastroenterology // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
2. Belyakov S. The ghost of a titular advisor // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
3. Belyakov S. Roman Senchin: Unfinished portrait at dusk // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
4. Baudrillard J. System of things / lane. with fr. S.N. Zenkina. M.: RIPOL classic, 2021 . 256 p.
5. Boyko M. Russian minced meat // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
6. Vasiliev O. Literature regains its weight // New newspaper in Vladivostok. 2017. 12 Oct. No. 411. URL: <https://novayagazeta-vlad.ru/411/kultura/literatura-vozvrashhaet-sebe-ves.html> (access date: 12.29.2021).
7. Ganieva A. Gray on gray // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
8. Danilkin L. A very accurate novel about zero // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
9. Dostoevsky F.M. Diary of a writer 1876 [Electronic resource]. SPb.: Science, Leningrad Branch, 1989–1996. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=110964&p=18>

10. Ivanova N. *Writer and Politics* // Banner. 2008. No. 11.
11. Kovtun N.V. *Village prose in the mirror of utopia*. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Feder. educational agency, Sib. Feder. Univ. Novosibirsk: Publishing house of the SB RAS, 2009. 494 p.
12. Kovtun N.V. *Historicization of the myth: from the “blessed” Matera to Pylevo (about the author's dialogue between V. Rasputin and R. Senchin)* // Vestnik OmGPU. 2017. No. 4 (17). P. 81–87.
13. Komarov K. *Rock died – and we live: Collection* // Ural. 2019. No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2019/2/zhizn-proishodit.html> (access date: 29.12.2021).
14. Lipovetsky M. *“Waste strategies, or Metamorphoses of” chernukha* // Novy Mir. 1999. No. 11. URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/1999/11/rastratnye-strategii-ili-metamorfozy-chernuhi.html (date accessed: 29.12.2021).
15. Marcuse G. *Eros and civilization: a study of the ideology of a developed industrial society One-dimensional man* / Transl. A. Yudina; Compiled by foreword Note., V.Yu. Kuznetsova. M.: LLC “Publishing house AST”, 2002. 526 p.
16. Novikova E.O. *“New Realism” – Its Authors and Heroes* // Siberian Philological Forum. 2019. No. 2 (6). P. 45–55.
17. Ogryzko V. *Inevitable revolt* // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
18. Platonov O. *There is no Pavel Korchagin in modern literature, but the reader is waiting for his appearance* // Business Online. 2018. Apr 11. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/378464> (access date: 29.12.2021).
19. Pogorelaya E. *...On dead batteries?* // Banner. 2009. No. 10. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2009/10/8230-na-sevshih-batarejках>
20. Pustovaya V. *New “I” of modern prose: about the purification of the writer's personality* // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
21. Reznik A. *We are ice under our feet* // All about Senchin. In a labyrinth of criticism. M.: Literaturnaya Rossiya, 2013. 512 p.
22. Senchin R.V. *On the Back Staircase: Stories*. M.: Astrel, 2011. 347 p.
23. Senchin R. *Nubuk* // New World. 2002. No. 11.
24. Senchin R.V. *Rock died – and we are alive: collection*. M.: Publishing house “E”, 2007. 352 p.
25. Fedotova N.A., Boreyko A.D. *Stressogenic factors of the journalistic profession: research results* // Psychologist. 2015. No. 3. P. 89–101. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15284 (date accessed: 29.12.2021).
26. Fromm E. *To have or to be?* / Trans. from ger. E.M. Telyatnikova. M.: AST: Astrel, 2010. 314 p.
27. Chernets L.V. *On the typological study of literary characters* // STEPHANOS. 2016. No. 1. P. 80–90.
28. Kovtun N., Klimovich N. *The Traditionalist discourse of contemporary Russian literature: from the neo-traditionalism to “new realism”* // The Art of Words Journal of Literary, Theatre and Film Studies (Croatia). 2018. No. 3/4. P. 315–337.

About the author

Novikova Elizaveta Olegovna – postgraduate student of the Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: elisanov1991@gmail.com